

Глава 159 Встаньте на колени и покоритесь

Во время этого визита в Гуанчжоу Чжао Цяньжу увидела отвратительную натуру своего деда со стороны матери и всех членов его семьи, и теперь стояла на стороне мужа своей старшей сестры.

«Должно быть, вы пришли, чтобы попросить прощения у молодого мастера Бая? Вы поняли какое безумие тогда устроили и испугались?» – пренебрежительно скривив рот, с самодовольной усмешкой сказал Вэй Ян.

«Это хорошо, что вы решили извиниться перед молодым мастером Баем и молодым мастером Таном!».

Побледневший Вэй Цзехуэй подошел к ним и начал ругать их тихим, но резким голосом: «Но вы выбрали неудачное время! Сегодня семья Бай, семья Тан и другие великие семьи Гуанчжоу будут приветствовать почетного гостя! Я не допущу, чтобы вы мешали им в такой момент! Немедленно уходите!».

«Ха-ха, им еще хватило храбрости? Разве они не напуганы до смерти? Успокойтесь, они сами подойдут и поклонятся мне...».

Цзян Тянь в приподнятом настроении, как будто не замечая Вэй Цзехуэя, попил свежавыжатый фруктовый сок,

«Цзян Тянь, ты сумасшедший! Как ты смеешь так разговаривать? Сейчас же замолчи!».

Услышав слова Цзян Тяня, Вэй Цзецюн испугалась и разозлилась одновременно. Ей так и хотелось зашить Цзян Тяню его паршивый рот. Не выдержав, она начала ругаться: «Ты пришел извиниться, тогда почему ты перечишь и огрызаешься? Ты, должно быть, уже в курсе, что вызвал всеобщий гнев, но продолжаешь пускаться в эти пространные рассуждения! Если выдающиеся люди Гуанчжоу услышат твои слова, то ты покойник!».

«Сумасшедший! Он действительно выжил из ума! Он еще смеет нести этот высокопарный бред о том, что все встанут перед ним на колени и признают свои ошибки!».

Все тело Вэй Цзехуэя дрожало от злости, и он начал громко ругаться: «Немедленно убирайтесь отсюда, не вызывайте гнев выдающихся людей и не навлекайте беду на семью Вэй!».

«Кто дал тебе право прогонять меня?».

С трудом переводя дыхание от возмущения, Чжао Цяньжу сказала: «Забавно, разве вы уже не объявили о том, что разрываете с нами все связи?».

«Ха, а почему это на вас форма обслуживающего персонала поля для гольфа?».

Цзян Тянь вдруг вытаращил глаза и с интересом рассмотрел их, а затем с любопытством спросил: «Разве вы не члены богатой и влиятельной семьи Вэй?».

«Какое тебе дело?».

«Мы носим то, что нам нравится!».

«Мы, мы хотим узнать реальную жизнь на вкус!».

Лица всех членов семьи Вэй тут же окаменели, они чувствовали себя ужасно неловко. Они хотели бы нанести визит мастеру Цзяну, но не имели на это права. Поэтому им всем пришлось одеться в форму швейцаров и обслуживающего персонала. Но разве они могли сказать об этом Цзян Тяню?

«Ха-ха, узнать реальную жизнь на вкус? Хорошо, тогда принесите мне клюшки для гольфа! Проявите свою культуру обслуживания!» – с недоброй улыбкой сказал заинтересовавшийся всем этим Цзян Тянь.

«Цзян Тянь, вам не позволено безумствовать здесь! Если вы не уйдете, то не удивляйтесь, что я изменю свое отношение к вам и перестану даже здороваться с вами!» – сидевший в стороне бледный Вэй Цзинху не выдержал и начал ругаться.

«Дедушка, не трать на него слов впустую! Я побью его и выгоню вон!» – высокомерно крикнул Вэй Ян, а затем засучил рукава и вытащил клюшку для гольфа.

«Тан Чжэнь и выдающиеся авторитеты Гуанчжоу прибыли с визитом к мастеру Цзяну!».

В этот момент к ним быстро подошли множество авторитетных людей и лидеров великих семей во главе с Тан Чжэнь. Все они кланялись словно собаки, увидевшие хозяина, а в своей речи использовали самый скромный и почтительный тон, который им только доводилось применять за всю свою жизнь.

В эту секунду весь мир замер.

Казалось, что палящие лучи солнца, ветер развевающий одежду и даже облака на небе – все застыло.

«Мастер Цзян?».

Члены семьи Вэй взволнованно смотрели на всех могущественных авторитетов Линняня, которые раболепствовали перед Цзян Тянем, и не могли поверить своим глазам.

Разве он не никчемный сын семьи Цзян, которого изгнали из дома? Как он вдруг стал мастером Цзяном, перед которым преклоняются все выдающиеся люди Гуанчжоу?

Что, в конце концов, происходит?

«Что? Он, он – мастер Цзян?».

Выражение красивого лица Вэй Цзеюн изменилось, на нее словно вылили ведро ледяной воды. Все ее тело похолодело, и она застыла на месте.

Вэй Ян со звоном уронил клюшку для гольфа на бетонную дорожку, а сам стал белым словно лист бумаги.

«Так это он мастер Цзян?».

Вэй Цзехуэй не осмеливался верить в это. Его ноги стали ватными, а глаза были готовы выскочить из орбит.

«Оказывается, это он – мастер Цзян?».

Вэй Цзинху чувствовал в голове гул, его давление подскочило, и он был не в состоянии твердо стоять на ногах.

«Кто разрешил вам прийти сюда? Разве я не говорил, что не нужно меня беспокоить?».

Посмотрев на выдающихся людей Гуанчжоу сверху вниз, Цзян Тянь нахмурился, а в глубине его глаз промелькнуло отвращение. Затем он обернулся и пристально посмотрел на сверхчеловека Хун Е.

Сверхчеловек Хун Е тут же испугался и поспешно шагнул вперед. Почтительно поклонившись, он сказал: «Мастер Цзян, они настояли на том, чтобы прийти сюда! Они не смогли удержать младшее поколение!».

«На неофициальной части Блаженного пиршества мой никчемный сын оскорбил мастера Цзяна! Он, Бай Чоуфэй и Те Минхуан сейчас стоят на коленях за воротами и хотят еще раз принести извинения мастеру Цзяну!».

Заметив дурное расположение духа Цзян Тяня, Тан Чжэнь и другие авторитеты побледнели от

страха, по ним ручьями тек холодный пот, а их ноги дрожали.

Выдав из себя заискивающие улыбки, они раз за разом низко кланялись Цзян Тяню.

Услышав эти слова, члены семьи Вэй вытаращили глаза от удивления и сильно испугались.

Бай Чоуфэй, Те Минхуан и Тан Шаоцзе были лучшими молодыми мастерами Гуанчжоу, а теперь стояли на коленях и собирались просить у Цзян Тяня прощения?

Вероятно, он действительно и есть тот не имеющий себе равных мастер Цзян, который нанес поражение семье Вэй.

«Что ж, мы продолжим веселиться, а они пусть так и стоят на коленях!».

Выражение лица Цзян Тяня несколько не изменилось. Он взял Чжао Сюэ Цин за руку и направился на поле для гольфа.

Вэй Цзинху был в замешательстве, на него накатила волна сожаления, и он чуть не позеленел от угрызений совести.

Он никак не ожидал, что этот никчемный зять его дочери окажется великим мастером Цзяном! Если бы он разглядел кто такой Цзян Тянь и не завел бы их отношения в тупик, то сейчас семья Вэй получила бы сильного покровителя и взлетела бы до небес!

«Нет, не стоит упускать такой случай!» – мысленно подбодрил себя Вэй Цзинху.

В конце концов, он много лет провел в этой системе, он был выносливее, чем каменная стена. Разве он может упустить возможность подмазаться к мастеру Цзяну из-за своей ничтожной самонадеянности?

Он немного помедлил, а затем догнал Цзян Тяня, низко поклонился и со смехом сказал: «Муж моей внучки, как насчет того, чтобы пожить в нашем доме? Мы ведь не чужие люди, так вам будет удобней!».

Увидев это, все члены семьи Вэй забеспокоились и выжидательно посмотрели на Цзян Тяня. Они были встревожены и больше всего боялись, что Цзян Тянь откажется или даже рассердится.

«Дедушка, разве не вы в тот день раздраженно ушли в свою комнату и разорвали с нами все отношения?».

Цзян Тянь не успел открыть рот, как Чжао Цяньжу с ехидной усмешкой сказала: «Так что же? Теперь, когда вы узнали, что муж моей сестры и есть мастер Цзян, вы тут же пришли искать его покровительства? Вам не кажется, что уже немного поздно для этого?».

«В тот день мы приехали к вам со множеством подарков, разве тогда вы проявили к нам хоть какое-то уважение?» – сохраняя невозмутимый вид, сказала Чжао Сюэ Цин, хотя на сердце у нее было нелегко.

«В тот день на меня что-то нашло, мастер Цзян, мы же все-таки родственники! Вы должны проявить великодушие, огромное великодушие...». – Вэй Цзинху был невероятно смущен и пристыженно улыбался.

«Хватит, господин Вэй, вы проявили достаточно заботы...».

Цзян Тянь равнодушно продолжил: «Сейчас я слишком занят, боюсь, у меня нет времени, чтобы гостить у вас. Может быть, в следующий раз...».

Все люди стремятся к выгоде. Цзян Тянь десять тысяч лет бороздил космос, он множество раз видел как монахи обижают слабых и боятся сильных. Даже великий Будда не был исключением. Что уж говорить про этих ограниченных смертных?

К тому же, разве он не проявил уважение к Вэй Фану?

Эти слова показались Вэй Цзинху волшебной музыкой. Огромный камень упал с его души, и он чуть не взлетел от радости. Низко поклонившись, он сказал: «Мастер Цзян, приезжайте когда захотите, когда захотите! Лишь выберите время, а двери нашего дома всегда будут открыты для вас! Мы все подготовим и будем с почтением ожидать вас!».

...

В полдень на поле для гольфа на горе Тинчао солнце раскалило воздух до сорока градусов, от чего люди на протяжении нескольких минут обливались потом.

Люй Фань, который каждый год возвращался в родной дом, чтобы с неохотой встать на колени и почтить память предков, уже два часа стоял на коленях под палящим солнцем. Он не осмеливался жаловаться или как-то проявлять свое негодование.

К тому же, у него не было никакого права жаловаться. Потому что даже такие молодые мастера, как Тан Шаоцзе, Бай Чоуфэй и Те Минхуан, которые были гораздо выше его по положению, тоже стояли на коленях.

Если слухи об этой ситуации распространятся, все определенно будут шокированы и с трудом поверят в случившееся.

Младшие мастера Гуанчжоу занимали высокое положение, они словно были детьми императора. Но сейчас они все были вынуждены встать на колени и преклониться перед мастером Цзяном.

Тан Шаоцзе стоял на коленях, хотя обе его ноги до сих пор были зафиксированы, а в его руках находились специально изготовленные для него костыли. Когда он встал на колени, его несросшиеся кости вновь повредились, он стиснул зубы от боли, а его бледное лицо исказила гримаса страданий.

Рядом стояли и молча смотрели на это несколько молодых мастеров, у которых не было открытого конфликта с мастером Цзяном. Они соперничали стоявшим на коленях и боялись, что их ожидает та же участь.

Они хотели подойти и помочь Тан Шаоцзе подняться, но он решительно отверг их помощь, словно это могло ему чем-то навредить.

Среди присутствовавших была и Чжоу Сянья. Что посеешь, то и пожнешь. Она хорошо знала смысл этой фразы, поэтому и пришла сюда сегодня.

Но Чжоу Сянья недоумевала, насколько же могущественным должен был быть мастер Цзян, раз приказал сломать обе ноги Тан Шаоцзе?

Долго простояв на коленях, Тан Шаоцзе и Люй Фань находились практически в бессознательном состоянии. В этот момент с парковки поля для гольфа выехал роскошный Бентли. Блеск его серебристого корпуса ослеплял, вокруг него витала аура богатства и высокомерия.

Когда автомобиль подъехал к стоящим на коленях молодым мастерам, темное стекло заднего сиденья опустилось наполовину и наружу показалась белоснежная ладонь. Пренебрежительным взмахом руки сидевший в машине человек приказал всем подняться.

Несчастные молодые мастера Гуанчжоу чувствовали себя так, словно получили помилование. Они вздохнули, выразили свою благодарность, а затем ослабевшие сели у края дороги.

Все с осторожностью опустили головы, признавая свои ошибки. Лишь любопытная Чжоу Сянья подняла взгляд, чтобы увидеть кто же сидел в машине. Угол обзора был не самым удачным, и она не смогла ясно разглядеть людей в машине, но все же ее сердце яростно сжалось.

«Неужели, это он!».

Увидев половину лица сидевшего в машине человека и простую белую футболку, Чжоу Сянья невольно испугалась, и ее красивые глаза округлились.

«Люй Фань, Чжоу Сянья...».

Немного отдохнувший Тан Шаоцзе наконец поднялся, поддерживаемый Бай Чоуфэем и Те Минхуаном. Стиснув зубы, он крикнул, подзывая двух этих людей, и пристально посмотрел на них ледяным взглядом.

Его пронизательный взгляд резал словно нож. В его глазах отражалась злость, которая, казалось, могла убить на месте.

В этот момент он ненавидел этих двух людей лютой ненавистью.

Если бы не их ошибочные сведения и подстрекательство, разве бы он мог поступить так опрометчиво в отношении мастера Цзяна?

Он отдал мастеру Цзяну половину семейного имущества, а ему еще и сломали обе ноги! Как он мог докатиться до такого позора!

В конце концов, он уже давно забыл о том деле с Чжао Сюэ Цин.

«Молодой мастер Тан...».

Люй Фань и Чжоу Сянья выглядели так, словно их окатили ледяной водой. Они были напуганы, в их глазах отражались тревога и страх.

«Убирайтесь из Линнаня! Никогда больше не попадайтесь мне на глаза!» – крикнул Тан Шаоцзе. Мышцы его лица подергивались, а глаза налились кровью, он был похож на свирепого волка.

«Шаоцзе, почему ты так легко отпускаешь их?».

Бай Чоуфэй был безжалостным человеком, ему было необходимо выместить на ком-то свой гнев. С озлобленным выражением лица он махнул рукой и сказал: «Отдай мне двух этих никчемным людишек, и я уничтожу их!».

«Хорошо!».

Тут же семь-восемь одетых в черное охранников повалили Люй Фаня и Чжоу Сянья на землю и начали беспорядочно избивать их дубинками.

Дубинки с глухим звуком ударялись о человеческие тела. Надрывные крики боли, плач и жалобные мольбы о пощаде долго раздавались над песчаным мысом и горой Тинчао.

<http://tl.rulate.ru/book/29576/759083>